

УДК 94 (476) «1939/1941»

Анастасия Алексеевна Мордвилко

аспирант 2-го года обучения каф. истории Беларуси

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anastasia Mardvilka

Post-Graduate Student 2 Year of the Department of General History

of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: nastyaln@yandex.by

ДЕПОРТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1941 гг.: РЕАКЦИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Охарактеризованы организованные и спланированные мероприятия советской власти по выселению различных категорий населения Брестской области и отношение к данному процессу местных жителей. Выявлены особенности взаимодействия местного населения с различными категориями депортируемых граждан. Определены детерминирующие факторы участия местного населения в мероприятиях по выселению. Отмечена динамика изменения реакции местного населения на депортации в зависимости от категории выселяемых граждан и проводимой внутренней политики в регионе.

Ключевые слова: депортации, Западная Беларусь, Брестская область, выселение, осадники, беженцы, принудительные миграции.

Deportations of the Population of the Brest Region in 1940–1941: Local Response

This article describes the organized and planned activities of the Soviet authorities to evict various categories of the population of the Brest region and the attitude of local residents to this process. The specific features of the interaction of the local population with various categories of deported citizens are revealed. Determining factors of participation of the local population in eviction activities are determined. The dynamics of changes in the reaction of the local population to deportations, depending on the category of evicted citizens and the ongoing domestic policy in the region, is noted.

Key words: deportations, Western Belarus, Brest region, eviction, settlers, refugees, forced migration.

Введение

В настоящее время в белорусской исторической науке вопрос о событиях осени 1939 г. и последующих общественно-политических изменениях вызывает все больший интерес. Его изучение в рамках объявленных государством в 2021–2022 гг. программ «Года народного единства» и «Года исторической памяти» представляется весьма актуальным. Исследование процессов, последовавших после осени 1939 г., через призму взаимодействия различных категорий местного населения, отличавшихся по национальному составу, социальному статусу, дает возможность более детально и исторически достоверно подойти к этой проблеме.

В 1940–1941 гг. советская власть провела комплекс мероприятий в общественно-

политической, экономической и культурной жизни на территории Брестской области. Неотъемлемой его составляющей стала политика по выселению населения. В Брестской области были осуществлены четыре волны депортаций:

- 1) депортация осадников и лесных служащих вместе с семьями (февраль 1940 г.);
- 2) депортация семей репрессированных граждан (апрель 1940 г.);
- 3) выселение беженцев, прибывших на территорию Брестской области из Польши (июнь 1940 г.);
- 4) перемещение членов семей репрессированных (июнь 1941 г.).

Каждая из депортаций имеет свои характерные черты, отличающие их друг от друга. Их особенности определили категории выселяемого населения. От их состава зависели организация операций, поддержка или, наоборот, непринятие выселения местным населением, за реакцией которого советское руководство тщательно следило. Еще в 1939 г. при подготовке операций по выселению СНК БССР предлагал председа-

Научный руководитель – Владимир Васильевич Зданович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

телям временных управлений западных областей ежемесячно предоставлять информацию о настроениях крестьян в деревне с изложением конкретных фактов и требований «крестьянско-батрацкой и середняцкой массы», как положительной, так и отрицательной [1, л. 15]. Реакция местного населения на происходившие события отражена в официальных документах и воспоминаниях очевидцев, где можно найти немало противоречивости. Очевидно, что нужно учитывать фактор субъективности воспоминаний, а также идеологическую подоплеку донесений советского руководства, которое хотело в какой-то мере оправдать свои действия, показать враждебность местного населения к депортируемым гражданам [2, л. 1, 2].

По данной проблеме имеется достаточно объемная, но амбивалентная по содержанию историография. Безусловно, наибольшее внимание изучению этого периода уделяют белорусские и польские исследователи, подходы которых имеют существенные отличия. Помимо этого, в последние годы история западнобелорусского региона 1939–1941 гг. вызывает все больший научный интерес у российских историков в рамках изучения миграционных процессов, в которые были вовлечены и принимавшие переселенцев регионы (Архангельская, Кировская, Мурманская и др. области РСФСР), а также при изучении вопросов, касающихся советизации, исторического развития отдельных этнических групп [3]. Необходимо также отметить, что проблема трактовки событий осени 1939 г. и последовавших за ними процессов во всех сферах общественной жизни в современной историографии продолжает быть политизированной. События 1939–1941 гг. на территории западных областей Беларуси польские историки рассматривают, используя такие ключевые понятия, как «присоединение» и «оккупация», для белорусской историографии – это, безусловно, «воссоединение» и «освобождение» [4–6].

В двухтомном издании «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.», непосредственно посвященном социально-экономическим, военно-политическим и духовно-культурным событиям, происходившим на территории западного региона Беларуси, репрессивной политике советской власти отведено несколько строк: «В целях

предупреждения широкой волны антисоветских выступлений органы безопасности осуществляли репрессивные мероприятия... С апреля 1939 г. по июнь 1941 г. около 120 тыс. жителей Западной Беларуси были высланы органами НКВД БССР в отдаленные районы Советского Союза. В основном это были семьи польских офицеров, полицейских и чиновников. Жесткие репрессивные меры сильно сузили социальную базу польского подполья и тем самым подорвали его значение» [6, с. 38].

Со своей стороны, польские историки приводят, как правило, большие цифры по количеству депортированных. Очевидно, что в фокусе исследований – именно «польский вопрос», когда внимание исследователей концентрируется на положении поляков [4]. Также проблема отношений между отдельными этническими группами по-прежнему вызывает много споров у историков, остро воспринимается общественностью и требует тщательного изучения [5; 6, с. 34].

Целью статьи является выделение детерминирующих факторов участия местного населения в мероприятиях советской власти по выселению, раскрытие динамики изменения их реакции на депортации в зависимости от категории выселяемых граждан и проводимой внутренней политики в регионе.

Депортация осадников и служащих лесной охраны

К сентябрю 1939 г. осадники на современной территории Брестской области представляли достаточно значительный слой населения. Только в Пинской области (согласно административному делению 1939 г.) в декабре 1939 г. таковых на учете состояли 3 395 человек. К 1940 г. число учтенных и подлежащих депортации осадников здесь увеличилось до 8 765 человек [7, с. 140–146].

В декабре 1939 г. вышло постановление СНК БССР о выселении из западных областей Украины и Беларуси осадников и работников лесной охраны. На его основании в конце декабря 1939 г. Л. Ф. Цанава выслал Управлению НКВД западных областей республики секретную директиву, согласно которой был произведен учет осадников и членов их семей. При этом подчеркивалась необходимость сохранить в тайне подготовку к депортации, поэтому учет осадников проходил под предлогом госу-

дарственной переписи и инвентаризации [4, с. 113–115].

По оценкам историков, эта депортация была самой массовой и затронула более 50 000 человек по всей территории Западной Беларуси [2, л. 3; 4, с. 129].

Взаимодействие осадников и местного населения, особенно крестьянско-бедняцких слоев, было сложным и противоречивым. Поэтому именно бедняки стали активными участниками выселения семей осадников и лесников, учета и раздела их имущества, что отражено в документах этого периода [8, л. 15–17]. Согласно информации ЦК ВКП(б), в операции по выселению участвовало около 15 000 местных активистов (без учета кадров из восточных областей) [2, л. 1, 2]. В процентном соотношении количество участников операции по выселению выглядит следующим образом: 72 % составляли «восточники», 28 % – жители западных областей, местные активисты [3]. Анализ документов показывает, что значительная часть крестьянства встречала новость о выселении положительно: «Вот дельно, а мы думали, что с этими кровососами Советская власть будет миндальничать, оказалось нет. Теперь мы еще раз убедились, что это доподлинно наша власть» или «Когда услышала аудитория о выселении осадников, были возгласы: “Правильно! Нужно скорее приступить к работе”» [3, с. 141–143; 7, с. 142]. Были случаи самовольного раздела земли, которая принадлежала осадникам [4, с. 134].

Важным фактором была национальность депортируемых: большинство из них были поляками. Встречались довольно радикальные высказывания: «Мы в 1920 г. расстреливали поляков и теперь будем расстреливать» (оперуполномоченный ОДТО Брест – управляющему дома, поляку в ответ на требование оплаты за воду) [9, л. 91]. Стоит отметить, что об этом в разной степени говорят и польские, и белорусские историки [5; 10, с. 90–91]. Но в то же время в документах и воспоминаниях фиксируется сострадание к осадникам со стороны местных жителей. Некоторые, изначально записавшись в актив по выселению, по всей вероятности, осознав несправедливость депортации, увидев условия проведения этой «операции»: «Когда заплакали в выселяемой семье дети, то они (активисты. – А. М.)

также заплакали» – отказывались участвовать в ней. Зачастую отказ от участия в выселении имел достаточно прозаичные причины, в ход шли любые отговорки: сильный мороз, отсутствие обуви [7, с. 141–149]. Сочувствие проявлялось и на национальной основе: часть гражданских осадников являлись белорусами и также подлежали выселению. Так, в д. Рудня Брестской области 30 односельчан гражданского осадника подписали заявление в райисполком о «неправильности» его выселения, объясняя этот тем, что он «белорус и хороший человек» [7, с. 143].

Принудительная миграция населения в апреле 1940 г.

В марте 1940 г. вышло постановление СНК СССР «Об охране государственной границы в западных областях УССР и БССР», в котором были определены категории депортируемых: семьи репрессированных офицеров польской армии, полицейских и т. д., которые были задержаны советской властью ранее [6, с. 78].

Из-за широкой категории выселяемых произошло более явное разделение настроений местного населения. Из официальных документов следует, что отношение к выселению семей полицейских и жандармов было положительным. Местные жители охотно указывали месторасположение домов выселяемых и предлагали свои услуги как проводников, были понятыми при обысках. Однако случаи сочувствия и помощи со стороны не только простого населения, но и партийных работников фиксировались гораздо чаще, чем при первой депортации [11, л. 3]. Вероятно, это было связано с тем, что большую часть выселяемых составляли женщины и дети, с которыми местные жители много лет жили по соседству, дружили, общались. Также архивные документы свидетельствуют, что многие члены партии, руководящие работники так или иначе были связаны с местными женщинами [12, л. 10]. Они женились на местных девушках, устраивали на работу жен бывших польских офицеров [13, л. 3–9; 14, л. 2–8]. Были случаи, хоть и немногочисленные, когда коммунисты, прибывшие из восточных областей, после проведения депортации были готовы следовать по месту выселения избранницы [9, л. 10]. Такие действия жестко пре-

секались. В архивах хранятся протоколы партийных собраний, на которых поведение такого рода подробно разбиралось, виновников наказывали вплоть до исключения из партии [14, л. 12–23; 15, л. 157–160].

Основной формой борьбы местного населения для освобождения арестованных родственников были прошения в органы НКВД, сбор подписей [1, л. 13–14]. Однако эти прошения и заявления оставались без ответа, а сбор подписей советское руководство объявило незаконным. В дальнейшем подобные явления местные органы старались пресекать. В целом советское руководство применяло различные меры наказания и к местному населению, которое проявляло сострадание к выселяемым гражданам или же находилось с ним в каких-либо связях.

Высылка беженцев в отдаленные районы СССР в июне 1940 г.

Проблема положения беженцев на территории западных областей Беларуси уже много лет не теряет своей актуальности в первую очередь в рамках исследования различных аспектов истории еврейского населения. Также депортация беженцев занимает особое место в политике по выселению, которая проводилась в указанном регионе. Это связано с тем, что изначально советская власть не ставила перед собой цели депортировать эту категорию населения, как это было при проведении предыдущих «операций». Именно внутривнутриполитическое положение, в т. ч. формы взаимодействия местного населения и беженцев, станут катализатором принятия решения о выселении.

Под влиянием многих факторов отношение к беженцам (в большинстве своем евреев по национальности) менялось, и важную роль здесь играл именно этнический фактор. В этом убеждены многие историки вне зависимости от историографического направления и стран, которые они представляют. Например, и российские, и белорусские исследователи говорят о том, что особенно острыми были взаимоотношения между «восточниками» и евреями. Это хорошо прослеживается и в документальных источниках, и в воспоминаниях очевидцев [17, л. 214–215; 18, с. 223]. Беженцы сталкивались с неприятием их, в отдельных случаях – с открытой ненавистью [18, с. 228–229].

По мере пребывания беженцев и ухудшения обстановки в белорусских городах антисемитские настроения росли.

Другую ситуацию можно было наблюдать на приграничных территориях, где значительную часть местного населения составляли евреи. Еврейские общины оказывали беженцам материальную помощь, помогали устраиваться. Некоторые местные жители удивлялись их приезду, не понимали, почему они бегут в СССР. Органы НКВД отмечали следующие высказывания: «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара, и вообще ничего нет», «Этим приезжающим к нам беженцам у нас будет плохо, у нас они не будут обеспечены, как жили раньше» [19, л. 228]. Однако несмотря на изначальную помощь, сочувствие местного еврейского населения, антисемитские настроения в регионе продолжали расти. Это было связано с резким увеличением численности населения и концентрацией беженцев в приграничных городах, что привело к ухудшению экономической, санитарной, криминогенной обстановки, росту грабежей и спекуляции [17, л. 221–223, 280; 19, л. 199–202].

Интересную оценку сложившейся ситуации дает специалист по истории еврейского беженства Е. С. Розенблат, который утверждает, что еврейские беженцы «критически оценивали советскую действительность (это был более сложный контингент для идеологической работы, чем местные жители). Имея связи с международными организациями и родственников за границей, они могли сообщать о недовольстве своим положением в Стране Советов... Беженцы несли с собой нежелательную с точки зрения советской власти информацию о нацистской политике в оккупированной Польше (это противоречило союзным отношениям между Германией и СССР). Безусловно, беженцы воспринимались представителями советской власти на местах и в центре как крайне дестабилизирующий фактор, мешающий советизации. Они были признаны материалом, непригодным для интеграции в советское общество на присоединенных землях, их дальнейшее пребывание здесь с точки зрения советской власти было нецелесообразным. Результатом такого решения стали массовые депортации. Действия в отношении беженцев являлись частью мас-

штабной политики генеральной чистки новых приграничных территорий от «чуждого элемента», составлявшего явную или потенциальную угрозу в условиях вполне очевидной предвоенной ситуации» [20, с. 51].

К аналогичному выводу приходят и авторы четвертого тома фундаментальной «Истории белорусской государственности». Анализируя политику насильственного выселения, они подчеркивают, что насильственной высылке подвергались «социально чуждые» с точки зрения советской власти категории населения [10, с. 90–91].

Депортация населения в июне 1941 г.

Четвертая депортация, которая началась 20 июня 1941 г., охватила еще более широкий круг населения. Время проведения депортации – канун Великой Отечественной войны – определило ее исход: депортация осталась незавершенной. План по выселению был не выполнен в полной мере, многих просто не успели депортировать.

Анализ документов по перемещению населения в июне 1941 г. показывает, что местное руководство неоднократно докладывало о «засоренности кадров в различных сферах», «присутствии контрреволюционного элемента» [15, л. 2–12, 19–26]. К июню 1941 г. местные органы НКВД и исполкомы уже имели достаточный опыт, поэтому в помощи местного населения по вопросам организации депортаций они уже не нуждались так остро, как, например, в феврале 1940 г. [21, л. 26, 35]. В документах реже встречаются сведения о каком-либо участии либо неучастии местного населения. О некоторой «лояльности» к депортируемым говорит тот факт, что общий вес вывозимых вещей на семью в западных областях Беларуси был значительно выше, чем, например, для выселяемых из Литвы, Латвии и Эстонии (500 и 100 кг). Также при проведении второй депортации в апреле 1940 г. ограничение в весе вывозимых вещей составляло 100 кг на человека [22, с. 106]. Следовательно, местные власти допускали то или иное отклонение от документов и распоряжений начальства. Это дает основание полагать, что отношение местного руководства к депортируемым изменилось в сторону «нейтрального». Что касается местного населения, то при изучении устных источников было установлено, что многие

жили в страхе собственной депортации. Из воспоминаний жителя д. Аркадия Брестского района: «Боялись все... Помню случай, когда ночью на Волынке 2 семьи зажиточных поляков, в т. ч. и дети, были вывезены неизвестно куда. Поэтому опасения были у всех. Особенно боялся мой дядя Василий Лаврентьевич, т. к. он был самый зажиточный кулак... Уже после начала войны были найдены документы, что в воскресенье 22 июня 1941 г. должны были приехать за ним и сослать в Сибирь» [23, с. 115–116].

Заключение

Таким образом, депортации населения Брестской области в 1939–1941 гг. проводились в четыре этапа. Как свидетельствуют архивные и опубликованные источники, в результате четырех «операций» из западных областей БССР было выслано около 120 000 человек. Они были направлены на спецпоселения в 13 областей, 2 края, 4 автономные республики РСФСР и 8 областей Казахской ССР [10, с. 90, 91].

Отношение местных жителей к проводимым советской властью мероприятиям по выселению в значительной степени обуславливалось от категории депортируемых и зависело от их национальности, возрастной, гендерной принадлежности. Кроме того, большую роль играло финансовое положение той или иной группы местных граждан. Изученные источники свидетельствуют, что в большей степени выселение приветствовали бедняки. Анализ документов говорит о том, что по мере проведения депортаций отношение к депортируемым местного населения менялось. В документальных источниках, воспоминаниях очевидцев конца 1940 г. все чаще встречаются отрицательные высказывания в отношении к выселениям. Местные жители в силу определенных причин (межличностные отношения, социальное положение и др.) делились на тех, кто сочувствовал депортируемому населению, и на тех, кто активно участвовал в депортации, считал ее справедливой, достижением советской власти. Определенно, такие факторы, как длительное проживание на одной территории, различные межличностные связи влияли на отношение к политике выселения, зачастую в сторону ее неприятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 292. Оп. 1. Д. 1а. Л. 57.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16946. Л. 13.
3. Васильченко, Т. Е. Польские граждане на Европейском Севере: от депортации к амнистии и репатриации (1939–1946) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. Е. Васильченко ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М., 2013. – 20 с.
4. Głowacki, A. O deportacji osadników wojskowych w głąb ZSRR (w świetle NKWD) / A. Głowacki // Mars: problematyka i historia wojskowości : studia i materiały. – 1994. – Т. 2. – С. 111–144.
5. Wierzbicki, M. Stosunki polsko-białoruskie pod okupacją sowiecką (1939–1941) / M. Wierzbicki // Беларускі гістарычны зборнік : зб. арт. – Беласток : Беларус. гіст. тав-ва, 2003. – Вып. 20. – С. 172–193.
6. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
7. Вабішчэвіч, А. М. Дакументальныя сведчання аб дэпартацыях заходнебеларускага насельніцтва ў 1940 г. / А. М. Вабішчэвіч // Беларуская-польскія архіваліі: стан і перспектывы : матэрыялы Другой беларус.-пол. канф. архівістаў, Мінск, 10–11 кастр. 2001 г. / Пол. ін-т у Мінску ; рэд. К. І. Козак. – Мінск, 2003. – С. 139–149.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14727. Л. 145.
9. ГАБО. – Ф. 2п. Оп. 1а. Д. 51. Л. 134.
10. История белорусской государственности : в 5 т. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 567 с.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13739. Л. 8.
12. ГАБО. – Ф. 1п. Оп. 16. Д. 13. Л. 21.
13. НАРБ. – Ф. 34. Оп. 10. Д. 1. Л. 15.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18462. Л. 72.
15. ГАБО. – Ф. 1п. Оп. 16. Д. 3. Л. 163.
16. ГАБО. – Ф. 2п. Оп. 1а. Д. 53. Л. 132.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14697. Л. 410.
18. Толочко, Д. М. Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / Д. М. Толочко // Берасцейскі хранограф : зб. навук. пр. – Брэст, 2004. – Вып. 4. – С. 218–234.
19. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14616. Л. 282.
20. Розенблат, Е. С. Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: оккупация – воссоединение – советизация / Е. С. Розенблат // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. О. В. Петровская, Е. Ю. Борисенко. – СПб. : Алетей, 2014. – С. 42–61.
21. ГАБО. – Ф. 282. Оп. 1. Д. 80. Л. 60.
22. Шарков, А. В. Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР / А. В. Шарков. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел, 2014. – 194 с.
23. Еленская, И. Э. События 1939–1941 гг. в западных областях Белоруссии: устная история / И. Э. Еленская // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. О. В. Петровская, Е. Ю. Борисенко. – СПб. : Алетей, 2014. – С. 103–120.

REFERENCES

1. Gosudarstviennyj arkhiv Briestskoj oblasti (GABO). – F. 292. Op. 1. D. 1a. L. 57.
2. Nacional'nyj arkhiv Rjespubliki Bielarus' (NARB). – F. 4p. Op. 1. D. 16946. L. 13.
3. Vasil'chienko, T. Ye. Pol'skije grazhdanie na Yevropiejskom Sievierie: ot dieportacii k amnistii i riepatriacii (1939–1946) : avtorief. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / T. Ye. Vasil'chienko ; Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii. – M., 2013. – 20 s.

4. Głowacki, A. O deportacji osadników wojskowych w głąb ZSRR (w świetle NKWD) / A. Głowacki // *Mars: problematyka i historia wojskowości : studia i materiały*. – 1994. – T. 2. – S. 111–144.
5. Wierzbicki, M. Stosunki polsko-białoruskie pod okupacją sowiecką (1939–1941) / M. Wierzbicki // *Беларускі гістарычны зборнік : зб. арт.* – Беласток : Беларус. гіст. тав-ва, 2003. – Вып. 20. – С. 172–193.
6. Rizhskij mir v sud'bie bieloruskogo naroda. 1921–1953 gg. : v 2 kn. / Nac. akad. nauk Bielarusi, In-t istorii ; riedkol.: A. A. Kovalienia [i dr.]. – Minsk : Belarus. navuka, 2014. – Kn. 2. – 335 s.
7. Vabishchevich, A. M. Dakumiental'nyja sviedchanni ab departacyjakh zakhodniebielarskaha nasiel'nictva u 1940 h. / A. M. Vabishchevich // *Bielaruska-pol'skia arkhivalii: stan i perspiektyvy : materyjaly Druhoj bielarus.-pol. canf. arkhivistau, Minsk, 10–11 kastr. 2001 h. / Pol. in-t u Minsku ; red. K. I. Kozak*. – Minsk, 2003. – S. 139–149.
8. NARB. – F. 4p. Op. 1. D.14727. L. 145.
9. GABO. – F. 2p. Op. 1a. D. 51. L. 134.
10. История белорусской государственности : в 5 т. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 567 с.
10. Istorija bieloruskoj gosudarstviennosti : v 5 t. – Т. 4 : Bieloruskaja gosudarstviennost' nakanunie i v period Vielikoj Otiechiestviennoj vojny iposlievoennogo vosstanovljenija (1939–1953) / A. A. Kovalienia [i dr.] ; Nac. akad. nauk Bielarusi, In-t istorii. – Minsk : Belarus. navuka, 2019. – 567 s.
11. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 13739. L. 8.
12. GABO. – F. 1p. Op. 1b. D. 13. L. 21.
13. NARB. – F. 34. Op. 10. D. 1. L. 15.
14. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 18462. L. 72.
15. GABO. – F. 1p. Op. 1b. D. 3 L. 163.
16. GABO. – F. 2p. Op. 1a. D. 53. L. 132.
17. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14697. L. 410.
18. Tolochko, D. M. Biezhieny iz Pol'shi v BSSR (sientabr' 1939 – ijun' 1941 gg.) / D. M. Tolochko // *Bierasciejski khranohraf : zb. navuk. pr.* – Brest, 2004. – Vyp. 4. – S. 218–234.
19. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14616. L. 282.
20. Rozienblat, Ye. S. Zapadnyje oblasni Bielorusii v 1939–1941 godakh: okkupacija – vossojedinienije – sovietizacija / Ye. S. Rozienblat // *Zapadnaja Bielorusija i Zapadnaja Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytija, dokumenty / Ros. akad. nauk, In-t slavianoviedienija ; otv. ried. O. V. Pietrovskaja, Ye. Yu. Borisio-nok*. – SPb. : Alieteja, 2014. – S. 42–61.
21. GABO. – F. 282. Op. 1. D. 80. L. 60.
22. Sharkov, A. V. Ssylka, vysylka, dieportacija: prinuditel'nyje migracii nasielienija Bieloruskoj SSR / A. V. Sharkov. – Minsk : Akad. M-va vnutr. diel, 2014. – 194 s.
23. Yelienskaja, I. Ye. Sobytaja 1939–1941 gg. v zapadnykh oblastiakh Bielorusii: ustnaja istorija / I. Ye. Yelienskaja // *Zapadnaja Bielorusija i Zapadnaja Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytija, dokumenty / Ros. akad. nauk, In-t slavianoviedienija ; otv. ried. O. V. Pietrovskaja, Ye. Yu. Borisio-nok*. – SPb. : Alieteja, 2014. S. 103–120.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.08.2022